Б. Г. Кипнис

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность (август 1914 г., Восточная Пруссия)

Вопрос о командовании генералом П. К. Ренненкампфом 1-й армией в августе 1914 г. есть не только вопрос выяснения исторической правды и реабилитации оклеветанного имени, но это также и вопрос компетентности историков и их ответственности за свои слова, которые читающая публика воспринимает как голос Истины, а государство использует как орудие своей идеологии или политики.

В советской историографии у генерала Ренненкампфа сложилась вполне устоявшаяся репутация с 1941 г.: тогда ему было впервые брошено обвинение в «преступном бездействии», он был назван «одним из главных виновников поражения армии Самсонова»[1]. Все последующие издания «Большой советской энциклопедии» повторили эти характеристики[2]. «Советская историческая энциклопедия» обвинила его уже в предательстве[3], ей вторит и «Советская военная энциклопедия»[4]. В тех же самых выражениях обвинения в предательстве и бездействии «поселились» на страницах вузовских учебников «Истории СССР»[5], не избежало этого даже такое солидное академическое издание, как многотомная «История СССР с древнейших времен до наших дней»[6]. Авторы ссылаются на то, что Ренненкампф не был наказан, т. к. «Николай II помнил „геройское“ поведение бездарного генерала в подавлении революции 1905 г.»[7]. В последнем случае, кроме политических обвинений в предательстве, видна и идеологическая подоплека «шельмования»: в своих статьях в разные годы В. И. Ленин неоднократно вспоминал о расстреле И. В. Бабушкина по приговору военно-полевого суда, учрежденного в 1906 г. в Забайкалье[8]. Хотя сам Ренненкампф в работе того суда участия не принимал, но как же можно было не отметить 50-ю годовщину Октябрьской революции таким «благодатным» сюжетом: свирепый каратель революции, бездарный генерал, немец-предатель, прогнивший царизм и неизбежность исторической расплаты в октябре 1917 г. Собственно говоря, здесь и обнажены все причины клеветы – идеологическая, псевдопатриотические и псевдонациональная. При таком предвзятом подходе фигура генерала Ренненкампфа была великолепным материалом для создания исторического и идеологического мифа, ни о каком поиске исторической правды говорить не приходилось.

Однако теперь, когда полки «спецхранов» покинул целый ряд книг, изданных в русской эмиграции, у нас есть возможность посмотреть на эту фигуру другим взглядом. Первое свидетельство воскрешает февраль 1904 г., вагон Транссибирского экспресса: «Адмирал Макаров со своим штабом ехал в отдельном вагоне. От чинов его штаба мы знали, что там идет работа: каждый день по несколько часов адмирал занимался планом реорганизации флота... и иногда для собеседования приглашался туда генерал Ренненкампф... Он приобрел имя и известность в военных кругах во время Китайского похода (1900 год), за который получил два георгиевских креста. Военные вообще скептически относились к „героям“ Китайской войны... Но кавалерийский рейд Ренненкампфа по своей лихости и отваге заслужил всеобщее призвание... С генералом Ренненкампфом во время пути мы были в постоянном общении: в частных беседах и во время докладов, которые кто-нибудь из нас делал на темы: о театре войны, о тактике конницы, об японской армии, Ренненкампф делился с нами воспоминаниями о своем походе, весьма скромно касаясь своего личного участия»[9]. Автор этих строк – А. И. Деникин, тогда скромный офицер, капитан Генерального штаба. Описывавший до него эти события А. А. Керсновский был более сдержан: «Цицикарский поход и набег на Гирин создали громкую репутацию генералу Ренненкампфу – репутацию, оказавшуюся впоследствии, к сожалению, сильно преувеличенной»[10].

Характеристику боевых качеств генерала в эпоху Русско-японской войны дал также А. И. Деникин, бывший с октября 1904 г. начальником штаба его Восточно-

го отряда: «Генерал Ренненкампф был природным солдатом. Лично храбрый, не боявшийся ответственности, хорошо разбиравшийся в боевой обстановке, не поддававшийся переменчивым впечатлениям от тревожных донесений подчиненных во время боя, умевший приказывать, всегда устремленный вперед и зря не отступавший... Ренненкампф смотрел на людской элемент своих частей как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость импонировали подчиненным и создавали ему признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения. Близости же не было»[11].

По окончании Русско-японской войны генерал был назначен командовать III армейским корпусом в Литву. Об этих годах осталось интересное свидетельство А. А. Успенского, капитана 107-го Уфимского пехотного полка 27-й пехотной дивизии III корпуса. Автор оставил яркое описание боевой учебы в войсках корпуса: «Командующим округа был тогда генерал-адъютант Ренненкампф... Еще будучи нашим командиром, он высоко поднял боевую подготовку 3-го армейского корпуса: постоянными маневрами, пробными мобилизациями, кавалерийскими состязаниями в походном движении и т. п., причем войска всегда видели его среди себя на коне, несмотря ни на какую погоду, красивым, „лихим“, простым в обращении! Заканчивая состязания между ротами на наступление, генерал Ренненкампф отличавшегося командира роты называл „королем наступления“, а командира, рота которого выбивала наибольший процент сверх „отличного“ – „королем стрельбы“!

Сколько проделано было в лагерное и зимнее время таких „наступлений“ и „оборон“ и днем, и ночью, и на ученьях, и на смотрах против обозначенного противника! Сколько раз моя рота стреляла по мишеням в близкой к бою обстановке и стреляла почти всегда „отлично“, а последние 3 года подряд „отлично“!»[12]

С этой оценкой соглашается и Керсновский, ранее весьма сдержанно отзывавшийся о генерале: «По свидетельству подчиненных, генерал Реннекампф был замечательным командиром корпуса. Действительно, тактическую подготовку доблестных 25-й и 27-й дивизий можно считать образцовой. Всегда и во всякую погоду на коне, он был любим войсками, побаивавшимися, впрочем, его внезапных наездов и прозвавшими его „желтой опасностью“ (по желтым лампасам, пожалованного ему мундира Забайкальского казачьего войска)»[13]. Такая оценка не случайна, ибо именно III армейский корпус отличится в Гумбинненском сражении 7 августа* 1914 г., речь о котором впереди.

Наконец, показательна оценка, данная генералу сменившим его на посту командира III армейского корпуса генералом Н. А. Епанчиным, оставившим в своих воспоминаниях довольно нелестную характеристику Ренненкампфа[14]. Однако в письме от 19 мая 1936 г., на имя его дочери Т. П. Саван, Епанчин пишет: «Ознакомившись с состоянием корпуса, я нашел его в полном порядке, я мог работать, не вносся в жизнь войск корпуса никаких существенных изменений, что давало возможность войскам продолжать службу по установленному моим предшественникам порядку»[15]. Да и что же он мог, по совести, еще написать, ибо принял корпус лишь 25 мая 1913 г.[16], т. е. за год до начала Первой мировой войны, и, следовательно, не ему, а Ренненкампфу корпус был обязан той великолепной боевой выучкой, которую он и показал под началом Епанчина на поле Гумбиннена.

Приведенные выше оценки свидетельствуют о том, что Ренненкампф обладал личной храбростью, испытанной в двух войнах, большим боевым опытом, умением руководить и командовать, пользовался доверием и уважением подчиненных ему войск, правильно понимал значение боевой подготовки в мирное время и активно ее осуществлял. К отрицательным качествам современники относили склонность к карьеризму и «неправильное отношение к казенным суммам», однако это еще не повод для обвинений в предательстве и преступном бездействии, в объявлении его одним из главных виновников поражения наших армий в Восточной Пруссии. Но кто же тогда виновник позорного погрома?

Отметим, что еще за три года до начала войны было принято стратегическое решение о взаимодействии армий России и Франции против Германии. Оно было неправильно как в плане определения количества выделяемых Россиею сил, так и

* Здесь и далее все даты до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

сроков начала русского наступления. Этот факт еще в 1926 г. убедительно осветил, находясь в эмиграции, замечательный русский военный историк Н. Н. Головин: «На совещаниях 1911–1913 гг. союзники обязывались начать наступление против Германии одновременно с двух сторон; Франция обязывалась выставить на десятый день мобилизации на своем С.-В. Фронте 1 300 000 и в этот же день начать операции; Россия обязывалась выставить против Германии до 800 000 человек на пятнадцатый день мобилизации, начав наступление против Германии тот час же после пятнадцатого дня... Перечисленные выше обязательства, взятые на себя в лице генерала Жилинского (в тот период начальника Генерального штаба. – *Б. К.*), были совершенно несогласованными с действительными возможностями..., принуждали Россию начинать решительные действия тогда, когда только одна треть ее вооруженных сил могла быть развернута. Это представляло собою крупнейшую стратегическую ошибку, заставившую дорого оплатить себя кровью войск. Эти обязательства связывали также свободу стратегических действий будущего Верховного Главнокомандующего, предъявляя ему требования считать сразу же за главное оперативное направление Восточно-Прусское и даже Берлинское»[17].

На нереальность сроков перехода в наступление на пятнадцатый день мобилизации указывает даже тот факт, что генерал-лейтенант Н. А. Клюев, начальник штаба Варшавского военного округа, т. е. в штабе более низкого уровня, чем Генеральный штаб, в докладе Я. Г. Жилинскому «О взаимодействии 1-й и 2-й армий» указывал: «Наступление армий должно быть одновременно и может быть начато: 1-й армией по окончании сосредоточения всех ее первоочередных заданий дивизий, т. е. на девятнадцатый день, 2-я армия может начать наступление от линии р. Нарев на двадцать первый день мобилизации, т. к. к этому времени будет сосредоточен в Остроленна 17-й корпус, выйдут на намеченные направления 6-й и 15-й корпуса, а второочередные дивизии сменят пехотные гарнизоны в крепостях»[18].

Однако то, что было очевидно в Варшаве, игнорировалось в Петербурге. Уже накануне войны в Киеве проводилась военная игра, Жилинский к этому времени был перемещен в Варшаву командовать округом, а на игре исполнял предназначенную ему в случае войны роль командующего Северо-Западным фронтом. Во время игры Жилинский отдал приказ о переходе в наступление уже на девятый день мобилизации. Это должно было привести к боям на двенадцатый день мобилизации, игравший за командующего 1-й армии Ренненкампф стал возражать, указывая, что его армия еще не закончит развертывания и такая поспешность вряд ли правильна[19]. Начавшаяся вскоре война подтвердила его правоту. Самоуверенность и легкомыслие Жилинского могут быть объяснены только карьеризмом в прошлом и невозможностью теперь, став ниже в должности, что-либо менять, даже если он и понимал всю пагубность принятого ранее решения.

О том, что некоторое понимание с началом военных действий Жилинский обрел, свидетельствует посол Франции в России М. Палеолог.

С первых же дней войны положение Франции стало серьезным: германские армии, нарушив нейтралитет Бельгии, рвались к Парижу, а союзники, не готовые к этому, отступали, все надежды французских политиков обратились к России. Посол Республики настоятельно просил ускорить наступление в Восточной Пруссии. 13 августа 1914 г. в беседе с ним С. Д. Сазонов, министр иностранных дел, сообщил, что: «Генерал Жилинский... считает, что всякое наступление в Восточной Пруссии обречено на верную неудачу потому, что наши войска еще слишком разбросаны и перевозки встречают много препятствий. Вы знаете, что местность пересечена лесами, реками и озерами... Начальник штаба (Ставки Верховного главнокомандующего. – *Б. К.*) генерал Янушкевич разделяет мнение Жилинского и сильно отговаривает от наступления. Но квартирмейстер (Ставки. – *Б. К.*) генерал Данилов[20] с неменьшей силой настаивает на том, что мы не имеем права оставлять нашу союзницу в опасности и что, несмотря на несомненный риск предприятия, мы должны немедленно атаковать. Великий князь Николай Николаевич[21] издал об этом приказ. Я не удивлюсь, если операция уже началась»[22]. Итак, Жилинский начал сомневаться, но генерал Ю. Н. Данилов не сомневается, тем более,

что ответственность за выполнение приказа ляжет не на него, а на Жилинского! Самое же важное, что запись Палеолога повествует о принятии решения выступления в поход 2-й армии генерала А. В. Самсонова. Вот оно – начало трагедии. И вот еще один ее главный виновник – генерал Ю. Н. Данилов. Такой же карьерист, как и Жилинский, «пересидевший» с 1908 по 1913 г. пять начальников Генерального штаба, Данилов в качестве генерал-квартирмейстера Генштаба был главным разработчиком всех планов мобилизации и развертывания русских армий на случай войны. Как никто, он знал реальные возможности наших войск и, тем не менее, с легким сердцем ставил перед ними нереальные для выполнения задачи.

Известная доля вины падает и на великого князя, пошедшего на поводу у Данилова: «Великий князь Николай Николаевич сдержал слово. По его повелительному приказу пять корпусов генерала Самсонова атаковали третьего дня неприятеля в районе Млава-Сольдау. Место нападения хорошо выбрано, чтобы заставить немцев перевести туда многочисленные силы потому, что победа русских в направлении Алленштейна имела бы двойной результат: открыла бы им дорогу на Данциг и отрезала бы отступление германской армии, разбитой под Гумбинненом»[23]. Но великий князь был «прикован» обещаниями, данными генералом Жилинским в 1911–1912 гг. французам, к мобилизационному плану, разработанному генералом Даниловым, и не мог нести ответственности за составленные без его участия капитальные планы стратегического характера. Это, однако, не снимает с него ответственности за тактику воплощения в жизнь этой порочной стратегии, и здесь его вина очевидна.

Само по себе решение наступать, выручая Францию из смертельной опасности, было, хотя и предельно рискованно, стратегически оправдано самой природой коалиционной войны. В военном искусстве всегда присутствует элемент риска, неожиданных препятствий и их преодоления, таков сам по себе системный характер этого вида искусства. Военная наука стремится, но не может преодолеть всех элементов риска, как бы она ни старалась. Здесь ей на помощь и должен приходить гений полководца. У Жилинского и Данилова он отсутствовал изначально, а у великого князя оказался недостаточен, – вот одно из важнейших обстоятельств катастрофы августа 1914 г.

Чтобы закончить с вопросом, почему начало наступления на пятнадцатый день мобилизации было гибельно для 1-й и 2-й русских армий, обратимся к цифрам. Согласно подсчетам генерала Головина, на пятнадцатый день русские могли мобилизовать против Германии и Австро-Венгрии 27 пехотных и 20 кавалерийских дивизий, на двадцать третий день – еще 20–23 пехотных и 3–4 кавалерийских дивизии, на двадцать девятый – от 3 до 5 пехотных и 4 кавалерийских дивизии; только с двадцать третьего дня начинали поступать второочередные[24] дивизии пехоты, а с двадцать девятого – кавалерии[25]. Следовательно, на двадцать третий день русские армии достигали комплектной, а, следовательно, и ударной полноценности. Наступление же 1-й и 2-й армий началось 4 августа, т. е. на семнадцатый день мобилизации. Однако некомплект 1-й армии был на самом деле еще больше, чем это становится очевидным из вышеприведенных данных, т. к. по мобилизационному плану ее главную ударную силу должны были составить Гвардейский, I, III, IV армейские корпуса и четыре кавалерийских дивизии, семь пехотных дивизий второй очереди должны были появиться лишь на двадцать третий день мобилизации. Но уже 26 июля телеграммой генерала Н. Н. Янушкевича № 2727 армию ослабили: «Ввиду направления главных сил Германии против Франции и необходимости поддержать нашу союзницу, Верховный Главнокомандующий повелел: Гвардейский и I армейский корпуса в составе, указанном в боевом расписании, изъять из состава 1-й армии и направить в Варшаву»[26]. Поскольку дивизии второй очереди физически не могли принять участия в первом наступлении 4 августа, настоящая телеграмма свидетельствовала, что ради сформирования новой армии, нацеленной на Познань-Берлин (это было следствием вышеупомянутых просьб М. Палеолога), 1-я армия ослаблялась на половину своего боевого состава пехоты. Хотя в нее вскоре включили 20-й армейский корпус, отсутствие гвардейской пехоты – элиты армии, прекрасно обученной и вооружен-

ной, – подобная замена восполнить не могла, что и сказалось через несколько дней на поле сражения. Также необходимо отметить, что I армейский корпус в итоге оказался в составе 2-й армии, и она стала состоять из шести армейских корпусов. В результате в начавшемся наступлении соотношение сил между 1-й и 2-й армиями было следующими[27]:

Армии	Батальоны	Эскадроны	Батареи	Орудия
1-я	104	124	55	492
2-я	200	72	96	702

Мы видим, что по главной ударной силе 2-я армия была вдвое сильнее 1-й в пехоте и на 33% в артиллерии. При таком соотношении сил, памятуя о том, что 7 августа 1-й армии предстоит Гумбиннен-Гольданское сражение, где она понесет значительные потери, а 2-я армия на этот день еще не вступит в соприкосновение с противником, становится очевидным, что 1-я армия, будучи настолько слабее 2-й, вряд ли смогла бы оказать 2-й армии действенную помощь 16–17 августа, когда та, в свою очередь, терпела поражение. При этом необходимо помнить, что фланги армий не соприкасались, разделенные Мазурским поозерьем на 90–100 км, следовательно координация действий обеих армий ложилась на командование Северо-Западным фронтом, т. е на генерала Жилинского. Об этом и следует поговорить особо.

Решающее значение в управлении движением войск, а следовательно и в том, где и какой степени готовности они встретятся с противником, зависит от директив верховного командования; генерал Жилинский в своей директиве от 31 июля указывал генералу Ренненкампфу: «По имеющимся у нас сведениям, в Восточной Пруссии им (противником. – *Б. К.*) оставлено от 3-х до 4-х корпусов и несколько дивизий и ландверных[28] бригад. Авангарды его выдвинуты к границе, но его главные силы находятся, несомненно, за линией озер. Я предлагаю... 4 августа перейти границу всеми тремя корпусами, входящими в состав армии, направляя их первоначально а фронт Истенбург-Ангерсург, а затем развивая наступление в охват левого фланга противника, при этом наступлении надлежит оставить достаточной силы заслоны против Летцена[29], откуда можно ожидать перехода германцев в наступление...»[30]

Эта директива, несмотря на ее уверенный тон, никоим образом не соответствовала действительности, т. к. в районе Мазурского поозерья, откуда Жилинский ожидал контрудара, было пусто. Подлинная группировка неприятеля была иною, попытка окружить Летценский укрепрайон в поозерье была попыткою окружить пустое место, при этом подставляя себя под неожиданное фланговое и фронтальное столкновение, как раз при выдвижении к фронту Истенбург-Ангерсбург. Ибо вместо авангардов здесь находились части германских корпусов (I генерала Г. Франсуа, I резервного генерала О. Белова), развернутые впереди этого предполагаемого фронта, а на его центральную позицию в Дарнемен уже 3 августа прибывали головные части XVII корпуса генерала А. Макензена. Таким образом, генерал Жилинский подлинной дислокации неприятеля не знал, и следование его директиве было опасным для 1-й армии.

Неприятель мог противопоставить ей следующие силы[31]:

Корпуса и дивизии	Батальон	Эскадрон	Батарея	Орудия
I армейский корпус	24	8	32	176
XVII армейский корпус	24	8	30	160
I резервный корпус	26	6	16	88
Резервная дивизия генерала Бродрюка	16	3	53	200
1-я кавалерийская дивизия	1	24	3	12
Всего:	**91**	**49**	**134**	**636**

1-я армии в полосе предлагаемого наступления располагала следующими силами[32]:

Корпуса и дивизии	Батальон	Эскадрон	Батарея	Орудия
XX армейский корпус	32		14	108
III армейский корпус	32		14	108
IV армейский корпус	32		14	108
1-я отдельная кавалерийская бригада		12		
1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии		30	4	24
Всего:	**96**	**42**	**46**	**348**

При этом надо отметить, что в сражении при Гумбиннен-Гольдане 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии участия не приняли. При почти равных силах в пехоте, перевесе неприятеля почти в два раза в артиллерии, следование директиве генерала Жилинского могло привести 1-ю армию к серьезной неудаче и большим потерям.

Однако в директиве генерала Ренненкампфа 1-й армии, отданной 2 августа, дислокация противника, а следовательно и подготовленность к встрече с ним в данном месте, совсем иные: «1-ой армии перейти границу 4 августа... Задача 1-ой армии – возможно глубже охватить левый фланг неприятеля на р. Ангерап, где предполагаются его главные силы, имея целью отрезать неприятеля от Кенигсберга»[33]. Эта ключевая фраза говорит о том, что Ренненкампф правильно определил место сосредоточения неприятеля, что было отмечено еще первыми исследователями Восточно-Прусской операции[34], но впоследствии упорно замалчивалось, т. к. демонстрировало компетентность генерала и, следовательно, свидетельствовало о высоком уровне готовности войск и их начальников к столкновению с противником в районе его действительного нахождения, повышало возможность одержать победу. Это совершенно не согласовывалось с навязываемым образом бездаря, труса и предателя. Однако здесь присутствовала и ошибка, которая определила последующие действия командования 1-й армией: ставя цель отрезать неприятеля от Кенигсберга, Ренненкампф предполагал у противника желание запереться в крепости столицы Восточной Пруссии и посчитал позднее своей главной задачей ее обложение и взятие, на что нацеливал его и генерал Жилинский после победы при Гумбиннене. Это пример показывает нам, как велика роль директивы для организации хода военных действий.

Утром 4 августа 1-я русская армия перешла границу, поход в Восточную Пруссию начался. С самого начала выявились отрицательные моменты, усугубившие слишком раннее, по сравнению с мобилизационными возможностями, и потому опасное положение. К их числу относятся слишком быстрые темпы наступления войск, лишенных из-за плохого состояния дорожной сети возможности эффективно пользоваться железнодорожным и автомобильным транспортом (последний в России был тогда в зачаточном состоянии). Войска шли пешком, как в 1812 г., что просто не соответствовало уровню современной войны и было следствием экономического и военно-технического отставания России от Германии. Следствием было переутомление войск еще до сражения при Гумбиннен-Гольдане. Вот как комментирует данный факт один из первых историков этого сражения Л. А. Радус-Зенькович, полковник, офицер Генерального штаба, начальник штаба 27-й пехотной дивизии III армейского корпуса, принимавший личное участие в событиях августа–сентября 1914 г.: «В настоящее время выводы большинства русских исследователей первых сражений 1914 г. сходятся во мнении, что и поражение Самсонова и неудача Ренненкампфа в значительной мере зависели от того, что войска 1-й и 2-й русской армии были вымотаны в первые дни сосредоточения. Их гнали вперед, не давая им отдохнуть, ни подтянуть обозы, ни установить должную связь по фронту и в глубину.

1-я русская армия при сосредоточении к границе сделала от р. Немана в три перехода 75–90 верст и без дневки пущена в первый бой с немцами.

Некоторым частям приходилось делать переходы по 30–35 верст. Не удивительно, что сырые, только что отмобилизованные люди были замучены, а командиры не могли наладить связи и тыла. Нормальный переход, выработанный опытом всей военной истории, для пехоты – 20–25 верст, и притом через три дня должна быть дневка... Никогда не надо забывать, что если часть совершает переход 25 верст, то ее охранение, связь, разведка и прочий наряд делает по 35–40 верст. А ведь в нарядах бывает около 1/4 людей в частях»[35].

Еще более ценно свидетельство капитана А. А. Успенского: «Мы усиленно, с утра до вечера, занимались со своими ротами рассыпным строем и полевой службой. Крайне необходимо было „подравнять" боевую подготовку запасных под своих кадровых. А особенное „приналечь" на стрелковые боевые упражнения, а также на обучение штыковому бою с преодолением препятствий[36].

Наконец, получен был приказ 1-й армии: 1 августа начать наступление к немецкой границе, не ожидая концентрации и даже окончания мобилизации некоторых частей, как, например, тяжелой артиллерии, потому что в первых боях она у нас и не участвовала... Таким образом, наша дивизия двумя походными колоннами, с раннего утра 1 августа двинулась через Кальварию в район южнее Вержболово. Шли три дня, делая по 25–30 верст в день. Конечно, для запасных солдат, отвыкших от походов, путь этот был тяжелый, тем более, что придя на ночлег, многим приходилось не спать, а идти в сторожевое охранение: заставы, посты и дозоры»[37]. Мемуарист не только подтверждает мысль о перенапряжении частей во время форсированного марша, но и касается еще одной стороны вопроса, вытекавшей из слишком ранних сроков перехода в наступление, – недоукомплектованности частей (отсутствие тяжелой артиллерии на поле боя у Стамонена и Гумбиннена. Еще более авторитетно говорит об этом командир III армейского корпуса генерал Н. А. Епанчин: «Необходимо иметь в виду, что мы вышли в поход с некомплектом в 40%»[38].

Все эти свидетельства участников марш-маневра 1-й армии раскрывают порочность решения генерала Данилова форсировать вторжение в Восточную Пруссию, укрывавшего безответственность своих действий за обтекаемыми фразами о том, что поспешное наступление «выносило войну из пределов собственной страны, чем достигались также немаловажные результаты... С целью скорейшего воздействия на германцев названные армии (1-я и 2-я. – *Б. К.*) были составлены из пограничных и ближайших к району действия корпусов. Этим достигалось, правда, не без известных усилий возможность перехода ими в наступление уже в начале 3-й недели мобилизации»[39]. Что означали эти «известные усилия», предельно емко высказал уже в эмиграции на склоне лет генерал Епанчин: «Беда была в том, что наши войска на германской границе были еще совсем не готовы к переходу в наступление; они еще не были доведены до военного состава (40% некомплекта), не имели в достаточном количестве боевых припасов; артиллерия имела только по 428 выстрелов на орудие; тяжелая артиллерия еще не была приведена в военный состав, санитарная часть была совершенно не устроена, тыл не оборудован и пр.; одним словом, мы не были готовы к решительным действиям»[40]. Вряд ли можно еще что-либо добавить к этому, кроме одного весьма существенного замечания: ответственности за приказ о наступлении неотмобилизованной 1-й армии генерал Ренненкампф не несет, однако вину за результаты этого непродуманного решения постарались возложить именно на него.

Другим отрицательным моментом была отвратительная работа стратегической кавалерии, входившей в состав 1-й армии во время начавшегося перехода границы. Основная ее масса – 70 эскадронов, 42 орудия, 32 пулемета – состояла из элитных 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий. В предшествующий период они сносно провели операцию прикрытия и сосредоточения 1-й армии и разведки местоположения неприятеля, но «это не было решительное движение в глубину неприятельского расположения, а больше всего напоминало малые маневры в течение летних сборов, когда войска выходили на дневные ученья с тактическими задания-

ми и возвращались на свои квартиры на отдых. Самое исполнение этих наступлений нельзя назвать искусным, а главное – не было настойчивости в достижении поставленных целей, а сами цели были крайне не определенны»[41]. Бой у Кирбат 22 июля уже был проведен начальником конницы генерал-лейтенантом ханом Нахичеванским так, что вызвал нарекание генерала Ренненкампфа: «Уже в первом бою 22 июля следовало выяснить силы противника. Имея кавалерийскую массу с конной артиллерией, легко было охватить фланги, тыл, все выяснить. Полнее и своевременнее доносите»[42]. Новый бой между Эйдкуненом и Стамонененом вызывал новую отповедь командарма: «Ваше донесение о деле 28 июля вновь доказало, что вверенная вам конница больше увлекается боями на фронте, чем действием во фланги и тыл противника, где ее настоящее место. При вашей обстановке нет необходимости спешенной конницей упорно задерживать пехоту противника фронтальными боями. Если пехота противника продвинется вперед, тем легче будет ее охватить, зайти в тыл»[43]. На телеграмме о бое 29 июля резолюция командарма: «Опять совершенное отсутствие маневра. Не выполнена поставленная задача – обойти фланги и в тыл, одно лишь фронтальное действие; а в результате – невыполнение и напрасные жертвы»[44].

Однако все эти указания генерала Ренненкампфа не были серьезно учтены ханом Нахичеванским, и 3 августа перед переходом армией границы он, не проверив данные о занятии неприятелем м. Шиленен, двинул туда три кавалерийские дивизии, охватывая, как оказалось к 17 ч. дня, пустое место. Здесь конница и осталась ночевать. Таким образом, главная масса русской армейской конницы сильно уклонилась к северу от общего направления наступления, не очистила дорогу на Пилькален от неприятельской кавалерии (т. е. не создала угрозы для 1-й германской пехотной дивизии в Сталюпенене, что и послужило поводом для упорного боя 4 августа) и не достигла никаких существенных результатов, отойдя от границы не более 6–8 км, а между тем лошади были под седлом с 6 ч. утра до 10 ч. вечера[45].

Результатом этого явилось то, что утром 4 августа армия, перейдя границу, сразу же вступила в бой I с германским корпусом у Сталюпенена и Герптена. Из-за отсутствия севернее Сталюпенена конницы хана Нахичеванского немецкие части атаковали от Сталюпенена с севера III корпус генерала Епанчина, пытаясь охватить его 25-ю дивизию с правого фланга, к счастью, командир 29-й пехотной дивизии XX армейского корпуса генерал-лейтенант Розеншильд-Паулин, «слыша шум разгорающегося впереди боя, торопился прикрыть правый фланг III-го корпуса, оттеснив передовые части немцев, перешел границу в районе Радшена и двумя колоннами бросился на фронт Таргупенен-Бильвердейчен, уже сильно занятый противником, собиравшим здесь свой кулак для удара по тылу 25-й дивизии..., разбил здесь немцев, захватив пленных, 7 орудий и 12 зарядных ящиков и тем обеспечил положение правого фланга III-го корпуса»[46]. Хан же со своей конницей в этот день столь медленно атаковал германскую кавалерийскую дивизию в Пилькалене, что та, избегнув охвата, ушла; никакой помощи нашей пехоте, дравшейся у Сталюпенена и Герптена, он не оказал. Итогом явилась резкая телеграмма Ренненкампфа от 6 августа: «Деятельность вашего конного отряда в бою 4 августа крайне неудовлетворительна: пехота вела упорный тяжелый бой, конница обязана была помочь появлением не только на фланге, но и в тылу неприятеля, не считаясь с числом верст, – это привело бы к меньшим потерям у нас, к тяжелому поражению неприятеля. В будущем приказываю быть более энергичным, подвижным, помнить, что у вас 48 орудий, которые направлением в тыл неприятеля принесут громадное поражение»[47].

Следствием этих несогласованных действий стали потери в 27-й пехотной дивизии: 105-й пехотный Оренбургский полк почти весь во главе с командиром, полковником Комаровым, был окружен, знамя удалось спасти, командир погиб, большая часть полка сдалась в плен, т. к. состояла из только что мобилизованных запасных Вильнюса, не горевших желанием сражаться[48]. Общие потери в 27-й пехотной дивизии составили 63 офицера, 6664 солдата, 12 пулеметов[49]. И. И. Вацетис весьма неубедительно старается «выгородить» хана Нахичеванского в этой истории[50] и «взвалить» ответственность на

генерала Ренненкампфа, который по существу своих претензий был абсолютно прав, тем более, что уже 6 августа, когда еще оставалась в силе вышеприведенная телеграмма, хан втянулся в бой со 2-й ландверной бригадой за Краушинкен. 5 батальонов, 2 эскадрона и 12 орудий немцев сковывали весь день 70 эскадронов и 48 орудий русских, и лишь молодецкая атака шт.-ротмистера л.-гв. Конного полка, барона П. Н. Врангеля позволила силами 1-го эскадрона взять 2 орудия, увлечь цепи спешенных кавалергардов и переломить ход боя[51]. Но это произошло лишь в пятом часу дня, т. е. инициатива была снова утрачена, потери составили 25 офицеров и 129 солдат[52].

В результате хан Нахичеванский не выполнил задачу, поставленную перед ним той же телеграммой от 6 августа: «Приказываю 7-го к вечеру выяснить разведкой на фронте Инетенбург, Гумбиннен: заняты ли они, есть ли укрепления, какие силы между реками Инстер, Роминта, обороняются ли они, занят ли лес Цулькине. Главными силами займите 7-го Пеленткинен на Инстере»[53]. Эта концовка телеграммы носит важный тактический характер. Если бы хан ее выполнил, т. е. с раннего утра 7 августа двинулся бы вперед, то он зашел бы во фланг и тыл левому флангу и центру I германского армейского корпуса, и, следовательно, весь ход сражения при Гумбиннене принял бы для немцев катастрофический характер. Генерал Ренненкампф был абсолютно прав, требуя провести разведку, т. к. именно в этом районе и в эти часы 2-я германская пехотная дивизия и 1-я кавалерийская дивизия заходили вполоборота влево, выигрывая правый фланг у нашей 1-й армии[54]. Хан Нахичеванский, вместо исполнения приказа командарма, отошел на ночевку в район Лиденталь-Каральскименен-Ней-Станупенен, покинув с таким трудом взятый Краупишкен и открыв тем самым 2-й пехотной и 1-й кавалерийской германским дивизиям путь на наш правый фланг[55].

Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что генерал Ренненкампф неправильно руководил 1-й армией с момента начала похода, вплоть до Гумбинненского сражения. Напротив, весь его боевой опыт подсказывал ему правильное определение предполагаемого района сосредоточения неприятеля, необходимые требования к стратегической коннице, точное определение наиболее угрожаемого района развертывания неприятеля накануне сражения. Однако выполнению этих требований мешали крайняя утомленность войск, их некомплект, плохое командование конницей со стороны хана Нахичеванского. Последнее преодолеть командарм не мог, т. к. личная храбрость хана была вне подозрений, а его обширные связи при дворе как бывшего командира л.-гв. Конного полка парализовывали всякую попытку не только отстранить его от должности, с которой он явно не справлялся, но и заставить его точно выполнять приказы.

Поведение хана в ночь с 6 на 7 августа и 7-го днем невообразимо — он не выполнил приказ генерала Ренненкампфа и не двинулся с места. Свидетельство об этом оставил В. Андреев, подпоручик 19-го Архангелогородского драгунского полка, направленный генералом Н. А. Орановским с просьбой о поддержке. Андреев нашел хана в господском доме в Лидентале: «Меня ввели в просторный и уютный салон, ярко освещенный и элегантно обставленный. Прежде всего я заметил множество уже распитых бутылок шампанского на длинном столе, а за столом на мягком диване, развалясь, полулежал немолодой уже и довольно полный генерал, небольшой и очень смуглый, с георгиевским крестом. Генерал мне приветливо улыбнулся. Я видел, что он совершенно трезвый, но очень утомленный, страшно уставший. Он мне любезно ответил, но с нескрываемой усталостью: „Доложите генералу Орановскому, что я не смогу завтра оказать ему поддержки, так как мои люди и кони устали, нуждаются в отдыхе, а в батареях нет снарядов, а ведь сила моих батарей зависит от огнестрельных припасов“. Я не верил своим ушам и, огорченный... спешил в свою бригаду. На рассвете встреченные артиллеристы мне отвечали, что снаряды еще имеются и ожидаются новые. На своем пути я видел много эскадронов хорошо выспавшихся людей и бодрых коней... Я знал, что Хан Нахичеванский очень храбрый генерал, безумно отважный кавалерийский начальник, но не думаю, чтобы он был убежден в том, что современная война стала научной. В душе я не упрекал

его за шампанское. Но, очевидно, напряжение боевого дня и возбуждение оживленной бессонной ночи к рассвету надломили вконец его утомленные силы, сокрушенные силы, сокрушили этого храброго человека... Сам утомленный, он легко убедил себя, что и люди его так же устали, а снарядов все еще нет. Вот в этой личной усталости, убежден я, лежала роковая причина его едва ли простительного бездействия грядущим днем 7-го августа»[56].

Однако хан Нахичеванский наказание за столь грубое нарушение боевого приказа, приведшее к серьезным последствиям, не понес. Наоборот, 15 сентября 1914 г. он был весьма милостиво принят в Царском Селе, о чем свидетельствует запись в дневнике императора Николая II: «После обычных докладов принял Хана Нахичеванского, приехавшего с легкой раной в руку с войны. Он с нами завтракал и рассказывал много интересного»[57]. Естественно, что против такого начальника кавалерии генерал Ренненкампф был бессилен.

Как мы видели, войска были переутомлены, поэтому, будучи уверен в выполнении ханом приказа, командарм назначил на 7 августа дневку: «Назначение дневки на 7-ое явилось настоятельной необходимостью. Войска двигались без остановок уже 6 дней, причем первые переходы были форсированными, а следующие сопровождались боями. Стратегия обязана принять все меры к тому, чтобы вводить в бой войска не утомленными. Генерал Ренненкампф имел слишком большой боевой опыт, чтобы забыть это элементарное правило, столь часто забываемого в кабинетной стратегии высших штабов»[58]. Остается только присоединиться к мнению Головина и добавить, что к приказу о дневке каждому корпусу было добавлено требование «осуществить силами корпусной кавалерии разведку на дневной переход вперед»[59]. Требуя сведений о нахождении неприятеля на фронте Уинчкен-Ишдаген-Динглаупен-Гумбинен-Шабинен[60], Ренненкампф явно считал, что неприятель уже совсем близко на рубежах рек Инстер и Ангерап или перед ними. Если бы хан Нахичеванский 6 августа вместо топтания у Краупшкенена и Каушена выполнил свою задачу, то командарм уже знал бы, что неприятель впереди на переход предполагавшейся линии и вместо дневки русских ожидает бой. Таким образом, вина хана как командира стратегической конницы велика, а Ренненкампф демонстрирует верное чутье солдата, но «лишен глаз» в лице своей кавалерии.

На следующий день, 7 августа, произошло Гумбиннен-Гольданское сражение, его вели XX, III и IV армейские корпуса, бой носил встречный характер, причем инициатива исходила от немецкого командования. Генерал Ренненкампф находился со штабом армии на станции железной дороги Вержболово, т. е. в 42 км от линии огня. Местонахождение его там было логично, ибо это была единственная железнодорожная ветка, равно как и телеграфная линия в тылу всей 1-й армии, откуда можно было управлять всем ее фронтом. Передвигаться в Сталюпенен, т. е. на расстояние 23 км от линии огня, означало «сесть на голову» генералу Епанчину, оттуда руководившему боем дивизий своего III корпуса. Кроме того, можно было утратить связь с остальными корпусами, как это случилось через 10 дней с генералом А. В. Самсоновым, когда он, потеряв самообладание, выехал к терпящим поражение корпусам и 2-я армия утратила его руководство.

Бой, развернувшийся по всему фронту 1-й армии, был внезапен, длился всего несколько часов и окончился отходом немцев, начавших его атаками уже в 6 ч. утра, и отступивших в смятении около 16 ч. 30 мин. При этом части I и XVII германских корпусов понесли такие потери, что в ряде мест просто побежали, не выдержав русского артиллерийского огня. Но так как 28-я пехотная дивизия XX русского корпуса на нашем правом фланге понесла большие потери и частично отошла, то и командующий III русским корпусом генерал Епанчин в 16 ч. 30 м. предписал начальнику 27-й пехотной дивизии генералу А. М. Адариди прекратить преследование неприятеля[61].

При такой скоротечности боя ни штабы корпусов, ни штаб 1-й армии не успели принять серьезного участия в командовании сражением, и инициатива его начала была в руках неприятеля. Однако по мере того, как сражение разворачивалось, из сбивчивых донесений командиров полков и дивизий стала вырисовываться общая картина. Ренненкампф и его

штаб приняли оперативное решение: в 14 ч. была отправлена телеграмма командующему IV русским корпусом генералу Э.-С. Г. Алиеву: «Сегодня противник перешел в наступление по всему фронту. Форсированно двиньте 30-ую дивизию, правый фланг противника в направлении Вальтеркемен, что к северу от Гольдап»[62]. Подписал ее генерал М. М. Милеант, начальник штаба 1-й армии. Когда бой уже затихал, Ренненкампф отправил Жилинскому следующую телеграмму: «40-й дивизии приказал охватить правый фланг противника (т. е. XVII германского корпуса. – *Б. К.*), 30-ую дивизию форсированно направляю на Гольдан, Вальтеркемен...»[63]

Из этих телеграмм видно, что командарм, видя тяжелое положение своего правого фланга и стабильность центра, наносит удар своим пока что не израсходованным резервом, т. е. левым флангом – IV корпусом генерала Алиева. Если бы не поспешное выступление в поход, то был бы резерв за спиною центрального III корпуса, но в реально сложившейся ситуации его не было. Если бы хан выполнил директиву № 157 от 6 августа, то I германский корпус обратился бы в бегство. Но хан весь день стоял на месте и не посылал никаких сообщений. При такой ситуации генерал Ренненкампф сделал все, что мог: не утратил руководства армией, организовал фланговый удар, не имея резерва ни в центре, ни на правом, разбитом, фланге. Он не отдал приказа отойти на один переход назад, как поступили бы на его месте многие, удержал позицию, довел сражение до конца и закрепился на поле выигранного сражения.

Главным героем дня 7 августа явился III армейский корпус, блестяще выученный генералом Ренненкампфом за те предвоенные годы, что он был его командиром. Неслучайно командарм поздравил своих верных солдат особой телеграммой: «Командиру 3-го армейского корпуса. Большое вам спасибо за самоотверженную работу частей корпуса, благодаря чему дело на фронте отлично... Для поддержки правого фланга армии немедленно выделите что возможно. Войска ваши столько наложили немцев, что при укреплении позиций вы свободно удержитесь на местах, даже после выделения»[64].

Победа была одержана. Почему же тогда 8 августа 1-я армия не двинулась вперед за отступившим врагом? Это вопрос задавал еще в 1926 г. генерал Головин[65]. Он объяснял промедление 8 и 9 августа отсутствием резервов[66] как следствие чересчур раннего, против мобилизационного плана, перехода в наступление. Кроме того, по его мнению, было трудно узнать сразу, что за внешним контуром противника образовалось пустое пространство (подобное имело место на всех театрах войны)[67], а потому, указывал он, «произносить осуждение командованию 1-й русской армии следует с большой осторожностью»[68]. Наконец, Головин отмечал, как важную причину, переутомление войск из-за форсированных маршей еще до Гумбинненского сражения: «Мы знаем, что генерал Ренненкампф решил дать дневку армии 7 (20) августа. Но вместо дневки войскам пришлось выдержать крупное армейское сражение. Силою самих вещей несостоявшаяся дневка должна была превратиться в приостановку на поле сражения»[69].

Не менее важным является вопрос о потерях русских войск. Он был освещен еще в 1921 г. Л. А. Радус-Зенковичем, но постепенно этот фактор стали игнорировать, а именно он ставит все точки над «i». В бою за Стамопенен 4 августа 27-я пехотная дивизия потеряла 63 офицера, 6664 солдата, 12 пулеметов[70], в сражении 6 и 7 августа 28-я пехотная дивизия лишилась 104 офицеров, 6945 солдат, 23 пулеметов, 8 орудий[71], в сражении 7 августа 25 пехотная дивизия потеряла 35 офицеров, 3145 солдат[72], 27-я пехотная дивизия потеряла 21 офицера, 950 солдат[73], 40-я пехотная дивизия – 31 офицера, 2022 солдат[74]; данных о потерях 29-й и 30-й дивизий нет. Общие силы русских, участвовавшие в сражении, составили 63 800 штыков[75], потери в живой силе – 254 офицера и 14 726 солдат. В процентном соотношении (без учета потерь 29-й и 30-й дивизий) они составляют 31, 3%, следовательно, в целом – около 34% личного состава.

Главный участок сражения был в полосе 28-й, 29-й, 25-й, 27-й и 40-й дивизий, имевших в своем составе 43 400 штыков[76], потери в них (без 29-й) составляют 19 980 офицеров и солдат, при этом процент потерь в этих, вынесших основную тяжесть боя, соединениях, даже без сведений по 29-й пехотной дивизии, составил чуть более 46%.

Теперь все можно расставить на свои места: никакой преступной деятельности со стороны генерала П. К. Ренненкампфа не было, а были войска, выступившие в поход с некомплектом в 40%, измотанные форсированными переходами, с неустроенными обозами и тыловыми учреждениями, выдержавшие тяжелейшие встречные бои, в которых они победили, благодаря той выучке, которую их командарм дал им в предвоенные годы. Однако эти победоносные войска понесли такие потери, что им потребовалось двое суток, чтобы привести себя в боевое состояние, именно этим временным бессилием 1-й армии и воспользовался неприятель.

Для справедливой характеристики генерала Ренненкампфа необходимо отметить еще одно обстоятельство: уже 8 августа он в телеграмме на имя генерала Янушкевича дал анализ Гумбинненского сражения: «В боях 4 и 7 августа наибольшее число потерь относится на счет артиллерийского огня противника. Подтвердилось, что немцы, как ожидалось, ищут решения участи боя на флангах, стараясь обходить таковые. На фронте противник выдвигает сильную артиллерию, вплоть до тяжелой, стараясь получить перевес в огне, причем последнюю (тяжелую артиллерию. – *Б. К.*) располагает против того фланга, который им предполагалось обойти... Огонь нашей артиллерии нисколько не уступает по губительности немецкому, нанося большие потери и в короткий промежуток сметая подверженные огню цели.

Что касается ружейного огня, то бои 4 и 7 августа подтвердили несомненное наше преимущество в этом отношении. Ружейный огонь немцев меткостью не отличается. <...>

На фронте вообще противника нетрудно остановить; подталкивание залегших цепей способом Драгомирова, примененное немцами, видно, не удалось; бросаемые вперед батальоны, дойдя до своих цепей, залегают и не продвигаются вперед, боясь своего же огня сзади.

Общее впечатление: там, где немцам удается получить на своей стороне преимущества техники, там они задерживают нас и наносят нам наибольшие потери; я полагаю, в отношении же искусства ведения боя и морального настроения преимущества немцев не обозначились»[77].

Эта телеграмма говорит о том, что командарм правильно чувствовал как обстановку, так и новые условия боя и высоко ставил боевые качества русских солдат и офицеров, верно оценивал их успешную боевую выучку уже в первые же дни боев.

В течение 10–13 августа 1-я армия продолжила наступление, однако ни действия воздушной разведки[78], ни конная разведка[79] не дали точного представления, куда же отступает 8-я германская армия[80]. Показания жителей 11 августа свидетельствовали об одном из возможных путей отступления – Кенигсберг[81], о чем и было сообщено генералу Жилинскому. Желая собрать об этом больше сведений, Ренненкампф потребовал их от конницы[82]. В донесении генералу Жилинскому от 12 августа категорических утверждений, что неприятель отходит именно туда, нет, наоборот, сказано неопределенно: «Новых сведений о противнике не получено»[83]. В приказе № 4 по 1-й армии от 8 ч. утра 13 августа также ничего не говорится о наступлении на Кенигсберг[84]. И вдруг 13 августа штаб Северо-Западного фронта шлет в штаб 1-й армии следующую директиву: «Главнокомандующий приказал: дальнейшей целью 1-й армии ставится: 1) обложение Кенигсберга частью сил, примерно двумя корпусами, впредь до замены их резервными дивизиями; 2) преследование остальными силами армии той части войск противника, которая, не укрывшись в Кенигсберге, стала бы отступать к Висле... Совокупные действия 1-й и 2-й армий должны иметь целью прижать к морю отступающих к Висле германцев и не допустить их до Вислы»[85]. Эта директива приковывала 1-ю армию к Кенигсбергу, из нее же видно, что Жилинский вообще не знает, куда отходят части 8-й германской армии, а лишь предполагает, иначе бы он не «назначил» местом ее окружения берег Балтийского моря между устьем Вислы и Кенигсбергом. Эта директива подкрепляла соответствующую телеграмму генералу А. В. Самсонову от 10 августа: «Германские войска после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армией генерала Ренненкампфа, постепенно отступают, взрывая за собой мосты. Перед вами противник, по-видимому, оставил лишь незначительные силы... Движение ваше имеет целью наступление

навстречу противнику, отступающему перед армией генерала Ренненкампфа, с целью пресечь немцам отход к Висле»[86].

Таким образом, не зная реального поведения командования 8-й германской армии, командующий фронтом обрекал 2-ю армию на поражение, а 1-ю заставлял гоняться за миражом. Как известно, командование 8-й германской армии было уже 9 августа заменено на генерала П. Гинденбурга и начальника штаба генерала Э. Людендорфа, которые и приняли решение продолжить перегруппировку войск, начатую еще генералом Г. Притвицем, с целью атаковать фланги 2-й русской армии. Тогда же Ставка Германского верховного командования приняла решение перебросить с французского фронта два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Эта ошибка, допущенная императором Вильгельмом II и начальником штаба его Ставки графом фон Х. И. Мольтке-младшим, обрекала 2-ю армию генерала Самсонова на гибель, но именно она спасла от разгрома Францию, срывая осуществление знаменитого плана графа фон А. Шлиффена, «хоронила» возможность молниеносной войны на западе и победы «до осеннего листопада» на востоке. Таково было громадное стратегическое значение сражения 7 августа при Гумбиннене и Гольдане, таков результат стойкости войск, воспитанных генералом Ренненкампфом. Но и такова будет ужасная судьба армии генерала Самсонова и его самого.

Сражение при Сольдау, погубившее 2-ю армию, завязалось 14 августа. Лишь 15 августа Жилинский стал понимать, что происходит у Самсонова, и обратился к Ренненкампфу: «Части, отступившие перед вами, перевезены железной дорогой на фронт 2-й армии и упорно ее атакуют у Бишофсбург, Гильтенбург и Сольдау... Окажите содействие 2-й армии своим движением возможно далее вперед левым флангом на Бартенштейн и выдвижением в сторону Бишофсбурга своей кавалерии»[87]. Эту телеграмму командарм 1-й армии получил в 6 ч. утра, а уже в 7 ч. 20 м. тот приказал двинуться на помощь 2-й армии хану Нахичеванскому[88]. Последний в 15 ч. 40 м. донес о выступлении около 18–19 ч. вечера того же, 15 августа[89]. Тогда же была двинута на помощь и 1-я Кавалерийская дивизия генерала В. М. Гурко[90]. В 16 ч. 15 м. генерал Ренненкампф докладывал Жилинскому: «Для поддержки 2-й армии приказал наступать: 4-му корпусу – на фронте Прейсиш-Эйлау-Барштейн включительно, 2-му корпусу – Барштейн исключительно Бишофштейн; Хан Нахичеванский оставляет 1-ю гвардейскую кав. дивизию против Кенигсберга, с остальной конницей идет направлением Прейсиш-Эйлау, Вормдит для действия в тыл противника; Генерал Гурко наступает на фронт Зесбург, Бишофсбург, кроме того, на тыл противника в направлении на Ландсберг вывожу конницу генерала Рауха»[91].

Таким образом, мы видим, что какие-либо обвинения в «преступной медлительности» лживы, а утверждение Вацетиса, повторенное потом в 6-м томе «Истории СССР»: «На оказание помощи генералу Самсонову он смотрит, как на дело второстепенной важности. Он приказал выдвинуть несколько к западу свой авангард, усилив его конницей»[92], – просто клевета. Обычно Вацетис охотно цитирует документы, а в этом случае скромно приводит лишь № 408*[93], т. е. один из шести! Думается, что именно здесь кроется начало злонамеренного очернения генерала Ренненкампфа в советской историографии.

О том, кто менее всего прилагает усилий к спасению 2-й армии, хорошо говорит следующая телеграмма В. А. Орановского (начальника штаба Северо-Западного фронта) Ренненкампфу от 15 августа 19 ч. 10 м.: «Главнокомандующий (Я. Г. Жилинский. – *Б. К.*) сожалеет, что вопреки повелению верховного главнокомандующего 2-й корпус двинут на запад, вместо того, чтобы направиться на Граево, но раз уже он двинут, то главнокомандующий разрешил не менять этого распоряжения»[94]. Дело в том, что еще 14 августа Жилинский по распоряжению Ставки приказал II армейский корпус направить форсированными переходами в Граево, откуда он будет направлен железной дорогой в Варшаву, где «будет включен в состав 9-й армии»[95], т. е. изъят из 1-й армии и примет участие в походе на Познань. Это было следствием вышеупомянутых просьб М. Палеолога и «стратегических фантазий» Ю. Н. Данилова, уже приведших к изъятию Гвардейского пехотного корпуса из состава 1-й армии.

Таким образом, еще в 12 ч. 33 м. 14 августа генерал Жилинский, не зная о катастрофических событиях под Сольдау, проектирует изъятие II корпуса, а через полутора суток, уже зная об этом, не понимает, что само создание 9-й армии и «раздергивание» 1-й армии в сложившихся условиях – авантюра, которой просто теперь не место. Похоже, единственный, кто отдает себе отчет в том, что происходит, это генерал Ренненкампф. В этом нас убеждают два документа. Во-первых, свидетельство генерала П. Г. Курлова, оказавшегося в эти часы в штабе Северо-Западного фронта: «Генерал Н. А. Данилов[96] сообщил мне, что главнокомандующий 2-й армией генерал Самсонов двинулся со своими войсками в обход неприятеля и тем оторвался от телеграфа. Вечером происходил военный совет у главнокомандующего (Я. Г. Жилинского. – *Б. К.*), и в эту ночь то давались, то отменялись распоряжения генералу Ренненкампфу начать наступление – на помощь генералу Самсонову. В окончательной форме распоряжение о наступлении так дано и не было, а между тем получилось донесение о разгроме самсоновской армии, и оказалось, что в своей собственной инициативе двинуться на выручку, генерал Ренненкампф был остановлен главнокомандующим»[97]. Во-вторых, телеграмма генерала Ренненкампфа от 11 ч. 30 м. утра 16 августа на имя генерала Жилинского: «Усматривая из ваших распоряжений и телеграмм генерала Орановского тяжелое положение 2-й армии, решился взять на свою ответственность оставление 2-го корпуса, дабы более значительными силами нанести удар на фланги и тыл неприятеля и этим сильным ударом облегчить положение 2-й армии. Данное время Восточной Пруссии разыгрывается крупная операция, от исхода которой зависит дальнейшее положение на театре военных действий, что и заставило меня ослушаться повеления верховного главнокомандующего, но считаю и сейчас, что для общей пользы я обязан был так поступать… Для объединения командования выдвигаемыми двумя корпусами выезжаю лично вперед, передав временное командование против Кенигсберга Смирнову»[98].

Вполне естественно, что и эта телеграмма «добросовестно» игнорировалась советскими историками, т. к. она окончательно «хоронит» обвинения в предательстве генерала Ренненкампфа и демонстрирует его правильный взгляд старого солдата на сложившуюся ситуацию.

На этом фоне просто преступной является телеграмма штаба Северо-Западного фронта генералу Ренненкампфу, посланная днем 16 августа: «2-я армия отошла на свои первоначальные позиции к границе… Главнокомандующий приказал поэтому приостановить дальнейшее выдвижение выдвинутых вперед для поддержки 2-й армии корпусов»[99]. Эта, ни на каких проверенных сведениях не основанная, телеграмма окончательно губила 2-ю армию, которая именно в этот момент вела тяжелейшие бои силами XIII, XV и XXIII корпусов. Еще был жив генерал Самсонов, хотя и потерявший управление, но пытавшийся хоть что-то исправить. Войска сражались еще 17 августа и гибли 18 августа, но остановленная преступной телеграммой генерала Жилинского 1-я армия более не двинулась вперед с севера, а помочь 2-й армии ударом из тылов Северо-Западного фронта, т. е. с юга, было нечем. 18 августа окруженные корпуса, малой частью прорвав кольцо, большей частью погибли или попали в плен, а генерал Самсонов застрелился.

Подводя итог, мы можем аргументировано утверждать: обвинение в предательстве и преступном промедлении с генерала П. К. Ренненкампфа должно быть раз и навсегда снято, подлинные виновники в гибели 2-й армии и генерала А. В. Самсонова – командующий Северо-Западным фронтом генерал Я. Г. Жилинский и генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов. На великого князя Николая Николаевича ложится меньшая доля ответственности, чем на них, по вышеуказанным причинам. К сожалению, объем статьи не позволяет коснуться вопроса о роли радиоперехвата немцами радиограмм наших штабов в разыгравшейся катастрофе, а она была велика. Также за рамками настоящего исследования остается рассказ об отступлении 1-й армии из Восточной Пруссии, о мастерском диагональном маневре двумя корпусами с правого фланга на левый, проведенном генералом Ренненкампфом, который и спас армию от полного разгрома и окружения, и о полной некомпетентности генерала Жилинского на этом этапе операции. Надеюсь, что к этому вопросу еще будет возможность вернуться.

Примечания

[1] Большая сов. энцикл. – 1941. – Т. 48. – Стб. 610.

[2] То же. – 2-е изд. – 1995. – Т. 36. – С. 364; 3-е изд. – 1971. – Т. 5. – С. 402; 1975. – Т. 22. – С. 12.

[3] Сов. ист. энцикл. – 1963. – Т. 3. – Стб. 739. В томе 11 (стб. 1019-1020) – чуть более мягкая формулировка, без слова «предательство».

[4] Сов. воен. энцикл. –1976. – Т. 2. – С. 379. В томе 7 (с. 209) он обвинен в «преступном бездействии».

[5] См., например: **Черменский Е. Д.** История СССР (период империализма) . – М., 1959. – С. 430; История СССР / авт.: А. И. Беляев, Б. И. Бухаров и др. – М., 1960. – С. 442; История СССР / под ред.: Л. И. Иванова, А. А. Сидорова и др. – М., 1965. – Т. 2. – С. 576-577; История СССР / под ред.: П. И. Кабанова и Н. Д. Кузнецова. – М., 1978. – Ч. 2. – С. 406-407.

[6] История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1968. – Т. 6. – С. 532-533.

[7] Там же. – С. 533.

[8] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – М., 1965. – Т. 16. – С. 44; Т. 20. – С. 79, 81, 221; Т. 39. – С. 100.

[9] **Деникин А. И.** Путь русского офицера. – М., 1990. – С. 106-108.

[10] **Керсновский А. А.** История Русской армии. – М., 1994. – Т. 3. – С. 51.

[11] **Деникин А. И.** Указ. соч. – С. 123-125.

[12] **Успенский А. А.** На войне. – Каунас, 1932. – С. 15.

[13] **Керсновский А. А.** Указ. соч. – С. 147-148.

[14] **Епанчин Н. А.** На службе трех императоров. – М., 1996. – С. 385, 386, 390, 392, 394, 405-408 и др.

[15] Там же. – С. 25.

[16] Там же. – С. 385.

[17] **Головин Н. Н.** Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. – Прага, 1926. – С. 58-59.

[18] Восточно-Прусская операция: сб. док. – М., 1939. – Док. № 5 (с. 39). – Далее: В.П.О.

[19] **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 42.

[20] Генерал Ю. Н. Данилов-«черный».

[21] Верховный главнокомандующий с июля 1914 г. по конец августа 1915 г.

[22] **Палеолог М.** Царская Россия накануне революции. – М., 1991. – С. 96.

[23] Там же. – С. 96-97.

[24] Т. е. более низкого боевого качества.

[25] **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 55.

[26] В.П.О. – Док. № 22 (с. 81).

[27] **Вацетис И. И.** Операции на восточной границе Германии в 1914 г. – М.; Л., 1929. – Ч. 1. – С. 29-30.

[28] Ополчение 1-го разряда, местные войска. У немцев их уровень боевой подготовки был высок.

[29] Главный укрепленный пункт Мазурского поозерья.

[30] В.П.О. – Док. № 100 (с. 146-147).

[31] **Вацетис И. И.** Указ соч. – С. 19-20.

[32] Там же. – С. 28-29.

[33] В.П.О. – Док. № 135 (с. 178).

[34] **Эстрейхер-Егоров Р. А.** Империалистическая война 1914–1918 гг. Маневренный период. – М., 1933. – Ч. 2. – С. 71-72.

[35] **Радус-Зенкович Л. А.** Очерк встречного боя по опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. – М., 1921. – С.122-123.

[36] На это, согласно Успенскому, ушла всего неделя.

[37] **Успенский А. А.** Указ. соч. – С. 21-22.

[38] **Епанчин Н. А.** Указ. соч. – С. 409.

[39] **Данилов Ю. Н.** Великий князь Николай Николаевич. – Париж, 1930. – С. 127-128.

[40] **Епанчин Н. А.** Указ. соч. – С. 401.

[41] **Рогвольд В.** Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август–сентябрь 1914 г.). – Л., 1926. – С. 46.

[42] В.П.О. – Док. № 56 (с. 108).

[43] Там же. – Док. № 68 (с. 117).

[44] Там же. – Док. № 72 (с. 119).

[45] **Рогвальд В.** Указ. соч., С. 53.

[46] **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 18-19.

[47] В.П.О. –Док. № 157 (с. 188).

[48] **Радус-Зенкович Л.** А. Указ. соч. – С. 20-21; **Успенский А. А.** Указ. соч. – С. 30-31.

[49] **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 21.

[50] **Вацетис И. И.** Указ. соч. – С. 78-80.

[51] **Рогвальд В.** Указ. соч. – С. 61-63.

[52] Там же. – С. 63.

[53] В.П.О. – Док. № 157 (с. 188).

[54] **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 130-131.

[55] В.П.О. – Док. № 160 (с. 190).

[56] **Андреев В.** Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбиннен и Марнк. – Париж, 1928. – Ч. 6. – С.27.

[57] Дневники Императора Николая II. – М., 1991. – С. 486.

[58] **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 123.

[59] В.П.О. – Док. № 152-154, 156, 157, 163 (с. 186-191).

[60] Там же. – Док. № 152-154, 163 (с. 186-187, 191).

[61] **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 75.

[62] В.П.О. – Док. № 173 (с. 194).

[63] Там же. – Док. № 172 (с. 193).

[64] Там же. – Док. № 177 (с. 195).

[65] **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 161-162.

[66] Там же. – С. 163.

[67] Головин ссылается на пример французов, не знавших, что с 6 по 12 сентября 1914 г. на фронте отступавших от Парижа немцев был разрыв шириною в 50 км и не было никаких резервов.

[68] **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 163.

[69] Там же. – С. 165.

[70] **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 21.

[71] Там же. – С. 27.

[72] Там же. – С. 64.

[73] Там же. – С. 77.

[74] Там же. – С. 83.

[75] Там же. – С. 92.

[76] Там же. – прил. 6.

[77] В.П.О. – Док. № 203 (с. 204-205).

[78] Там же. – Док. № 228 (с. 215-216); Док. № 232 (с. 217).

[79] Там же. – Док. № 235 (с. 217-218).

[80] Там же. – Док. № 245 (с. 221).

[81] Там же. – Док. № 232 (с. 217).

[82] Там же. – Док. № 235-237 (с. 217-218).

[83] Там же. – Док. № 241 (с. 219).

[84] Там же. – Док. № 242(с. 230).

[85] Там же. – Док. № 243 (с. 220).

[86] Там же. – Док. № 329 (с. 263).

[87] Там же. – Док. № 405 (с. 302).

[88] Там же. – Док. № 408 (с. 303).

[89] Там же. – Док. № 409 (с. 303-304).

[90] Там же. – Док. № 410 (с. 304).

[91] Там же. – Док. № 406 (с. 302-303).

[92] **Вацетис И. И.** Указ. соч. – С. 146.

[*93] Там же. – С. 146-147 (у Вацетиса он под № 607).

[94] В.П.О. – Док. № 407 (с. 303).

[95] Там же. – Док. № 255 (с. 225).

[96] Генерал-от-инфантерии Н. А. Данилов в этот момент был начальником снабжения Северо-Западного фронта.

[97] **Курлов П. Г.** Гибель императорской России. – М., 1991. – С. 203.

[98] В.П.О. – Док. № 412 (с. 304-305).

[99] В.П.О. – Док. № 414 (с. 305).